

Потому что Майн Рид начинает с того, чем предыдущие романисты обычно заканчивали, — с кораблекрушения, пожара на паруснике. И все последующие, полные интриги и настоящих приключений действия разворачиваются на плотках и обломках корабля посреди океана. Не будем портить читателю встречу с книгой, пересказывая сюжет. Герои непрестанно борются за жизнь и каждую минуту делают это по-разному: собирают дождевую воду в брезент, отбивают нападение акул и кое-кого пострашнее этих хищников, проявляют чудеса изобретательности, взаимовыручки и мужества. Что характерно, эта книга ничем данным современной науки не противоречит и может использоваться как своеобразный учебник по спасению в океане, написанный по рассказам уцелевших моряков. Океан у Майн Рида полон жизни, а значит, и возможностей выжить. Его описания птиц и рыб, полезных и опасных, достойны зоологического справочника. И уж тем более удивительно, как ему удалось облечь это море действительно полезной информации в динамичную приключенческую оболочку. Интрига не отпускает читателя от первой до последней страницы. Сразу чувствуется, что автор обладает даром рассказчика. Говорят, обществом Майн Рида весьма дорожил Эдгар Аллан По, когда они встретились в Питтсбурге в Пенсильвании в 1842 году и писали рассказы для одних и тех же газет и литературных журналов. Эдгар По характеризовал Рида при этом наглым лгуном, но настолько изобретательным, что оторваться от его историй невозможно. Хотя лгуном тот как раз и не был. Даже его вымышленные герои всегда действуют в реальных декорациях. Большинство его таких экзотических романов были результатом реальных скитаний автора. Он действительно скакал по прериям Дикого Запада, прежде чем написать «Всадника без головы», он действительно долго жил в Луизиане и на Миссисипи, прежде чем написать «Оцеолу» и «Квартеронку». Рожденный в Ирландии, он записался добровольцем в американскую армию и лейтенантом принимал участие в американо-мексиканской войне, был ранен в сражении при Чапультепеке. Под конец жизни американская военная пенсия некоторое время была

основным источником его доходов, хотя он к тому времени уже снова вернулся в Британию. Так же, на собственном опыте, он писал про охоту на жирафов в Африке... Если задаться целью и подсчитать, сколько же раз в течение своей беспокойной жизни ему доводилось пересекать Атлантику на паруснике, станут ясны и источники его морских историй. Рид был таким бывалым пассажиром, что уже сам мог бы прокладывать курс в тумане и слушать истории бывалых моряков.

В том, что все было именно так, не даст усомниться «Охота на левиафана» — роман, записанный со слов капитана-китобоя, с которым автор познакомился во время охоты в Луизиане. Старый моряк вспоминает первые, самые памятные рейсы на китобойном судне из Бедфорда. Совершенные в те времена, когда на китов еще охотились со шлюпок-вельботов, а исход поединка между океанским гигантом и гарпуном, запущенным рукой китобоя, был под вопросом до самого конца. Только в течение первого рейса в Беринговом море рассказчик имел несколько поводов никогда не вернуться домой. Раненый кит хвостом разбивает в щепы вельбот, и команда оказывается в холодных водах. Даже после успешной охоты утлые шлюпки не могут вернуться на корабль, и — не стоит пересказывать роман. Интереснее обратить внимание читателя на то, что именно вспоминает старый капитан, а что оставляет за кадром. Он до сих пор весь — в подробностях охот и преследований, в тонкостях обработки китовых туш и поисках среди волн уже убитых китов, за которыми китобои вернутся позже, и расчетах, какой же заработок припадет «на пай» одному матросу. При этом ни слова о заморской экзотике, ни слова о страшном мысе: им пришлось обогнуть Горн, чтобы попасть в Тихий океан. Опущены все подробности плавания, которые составляют основу путевой прозы. Для этих людей дом — весь земной шар. Алеутские острова, Мозамбик, Кергелен, остров Вознесения интересуют их только как районы возможного скопления китов. А в море они вышли работать и зарабатывать — это и вспоминают. А вовсе не гавайских красоток, как некоторые, например беглый матрос Мелвилл,

о приключениях которого вы могли прочитать в другом томе этой серии. Мне посчастливилось застать еще одесских китобоев и послушать их рассказы. Именно так они и вспоминали молодость, ничем в этом не отличаясь от американцев Майн Рида. Китов вот бить с 1986 года запретили. И это правильно. А книги остались. И это тоже правильно. Томас Майн Рид оставил после себя более 60 романов.

*Антон Санченко,
писатель-маринист*

ЗАТЕРЯННЫЕ В ОКЕАНЕ

ГЛАВА I Альбатрос

Морской стервятник, как иногда называют альбатросов, планирующий на широких крыльях над необъятными просторами Атлантического океана, вдруг прервал свой полет. Его внимание привлекло нечто, чернеющее на волнах. Это был плот, по размерам ненамного больше обеденного стола, построенный из двух корабельных брусьев, двух широких досок и нескольких более узких, связанных крест-накрест, с небрежно брошенными на них двумя или тремя кусками парусины. Хлипкое и не очень надежное сооружение.

Его занимали два человека: мужчина и юноша. Последний, видимо, уснул, растянувшись на куске мятой парусины. Мужчина стоял, прикрыв рукой глаза от солнца, и внимательно изучал поверхность океана.

У его ног лежал еще один кусок скомканного брезента, гандшпуг¹, пара лодочных весел и топор. Ничего более существенного не было видно даже зоркому глазу альбатроса.

Птица продолжила свой полет на запад. Преодолев еще десять миль, снова замерла, паря на широко раскинутых крыльях и устремив пристальный взгляд вниз.

На спокойной поверхности моря ее взору предстал другой неподвижный плот. Но он отличался от виденного чуть ранее всем... Вернее, почти всем, кроме названия. Это сооружение было почти в десять раз больше и состояло из мачт, люков, частей фальшборта и других деревянных деталей корабля. Чтобы

¹ Гандшпуг — рычаг для подъема и передвижения тяжестей на корабле. (Здесь и далее примеч. ред.)

обеспечить плавучесть, к нему по краям веревками были привязаны пустые бочки для воды. Квадрат брезента натянут между двумя импровизированными шестами, как на мачте, еще пара бочек, пустой ящик из-под морских сухарей¹, весла и много других предметов морского обихода. Среди всего этого расположились человек тридцать: кто сидя, кто стоя, кто лежа, — одним словом, в самых разнообразных позах.

Некоторые замерли неподвижно, будто спали. Но их разметавшиеся тела и дикое выражение лиц сразу наводят на подозрение, что сон этот вызван опьянением. Жесты и громкие, даже буйные, слова других были верными признаками того, что эти люди пьяны — к тому же жестяная кружка, распространяющая запах рома, постоянно переходила из рук в руки. Попадались среди пассажиров плота и люди трезвые, но их было немного и выглядели они как живые мертвецы — изможденные и изголодавшиеся. Они сидели или стояли, временами с надеждой бросая взгляды на широкий простор, но уже через секунду надежда в глазах сменялась отчаянием.

Неспроста альбатрос так пристально рассматривал эту группу людей, неспроста все его движения пронизаны томительным выжиданием. Инстинкт подсказывал птице, что вскоре можно надеяться на обильное пиршество!

В десяти милях еще дальше на запад, невидимый для тех, кто на плоту, альбатрос всевидящим глазом обнаружил на поверхности моря еще один необычный объект. На таком немалом расстоянии он был просто крохотным пятнышком, не больше самой птицы, хотя на самом деле это маленькая лодка, — корабельная шлюпка, в которой сидят шесть человек. Паруса нет, и, судя по всему, не было предпринято никаких попыток его поставить. Есть весла, но никто не пользуется ими. Напротив — в отчаянии они были сняты, и теперь шлюпка стоит при полном штиле, как и два других плота. Подобно им, она скользит по океану, повинувшись лишь прихоти волн.

Если бы альбатрос умел рассуждать, то понял бы, что все эти различные предметы оказались последствиями кораблекруше-

¹ Морской сухарь — галета из ржаной или пшеничной муки, употребляемая на судах в плавании при отсутствии хлеба.

ния, что какое-то судно потерпело крушение и либо пошло ко дну, либо погребено в огне.

В десяти милях на восток от меньшего плота он мог бы обнаружить явные следы несчастья, произошедшего с кораблем. Там можно было бы увидеть обгорелые бревна, свидетельствующие о том, что корабль погиб не от шторма, а от огня. Осколки, разбросанные на целую милю вокруг, раскрывают дальнейшее развитие событий: пожар закончился страшной силы взрывом.

А на корме дрейфующей шлюпки он мог бы еще прочесть название корабля — «Пандора». Это же слово написано и на бочках, удерживающих большой плот на поверхности; и на двух досках, образующих поперечные перекладыны меньшего плота. «Пандора» написано на них еще более крупными буквами — эти доски находились по обе стороны бушприта¹ пострадавшего корабля. Их сорвали, чтобы построить свой плот, те, кто сейчас занимают его. Вне всякого сомнения, погибший корабль назывался «Пандора».

ГЛАВА 2

Корабль в огне

Историю «Пандоры» надо рассказать во всех ее чудовищных подробностях. Невольничий корабль был снаряжен в Англии и плыл из английского порта. Но, увы, — это не единственный случай, — экипажи на таких судах состояли из отъявленных негодяев, и вряд ли можно было найти двоих одной и той же национальности. Таким был корабль «Пандора».

В свой последний рейс судно отправилось на невольничий берег Гвинейского залива. Там, погрузив пять сотен жалких чернокожих существ, — «тюков», как насмешливо их называют работорговцы, — «Пандора» повезла свой страшный груз на пресловутый рынок в Бразилию, где в те времена процветала неприкрытая торговля подобным товаром.

В открытом океане на «Пандоре» вдруг вспыхнул пожар, потушить который было невозможно. В спешке и суматохе

¹ Бушприт — горизонтальный или наклонный брус, служащий для вынесения вперед носовых парусов.

стали спускать шлюпки на воду, но одна из них оказалась непригодной, а другая получила пробоину от упавшей на нее бочки и пошла на дно. Осталась одна шлюпка, и к ней тут же бросились капитан, помощник капитана, плотник и еще трое матросов и под покровом темноты уплыли прочь.

Остальные члены экипажа, тридцать человек, успели построить некое подобие плота, но через несколько секунд после того, как они отчалили от борта корабля, пламя добралось до бочки с порохом, что и завершило катастрофу.

Но что же стало с «грузом»? Об этом страшно даже рассказывать...

До последнего момента эти несчастные оставались запертыми за решетками люков, которые наглухо крепились к палубе. Так они и задохнулись бы в своей тюрьме от удушливого дыма или заживо сгорели бы среди пылающих бревен, если бы не одно милосердное сердце среди тех, кто покидал корабль. Орудя топором, отважный юноша, совсем еще мальчишка, сбил все запоры и выпустил страдальцев на открытый воздух.

Увы! Им суждено было спастись от пламени только для того, чтобы погибнуть в черной пучине океана.

Минут через десять после взрыва от всех пятисот негров, насильственно увезенных из родных мест, на поверхности океана не осталось ни одного! Сотни невольников встретились с судьбой еще более ужасной: ибо океан кишел акулами, которых было великое множество, и все до единого стали добычей этих отвратительных чудовищ.

Наш рассказ начинается с момента, когда уже прошло несколько дней после этого трагического события. Теперь нетрудно догадаться, что это были за люди, о которых говорилось ранее. Волей случая они оказались на одной параллели и плывут сейчас одни за другими, разделенные лишь несколькими десятками миль.

Маленькая лодка, плывущая на запад, — и была та самая шлюпка с «Пандоры», которую захватили ее свирепый капитан, его не менее жестокий помощник, плотник, и три матроса, которые были приняты сообщниками этого подлого предательства. Они отплыли под покровом темноты, но как бы быстро

они ни гребли, до них донеслись неистовые проклятия и угрозы, посылаемые им вслед преданными соратниками.

Этот экипаж, состоящий сплошь из разбойников, и плыл сейчас на большом плоту. Но кто же те двое, отважившиеся довериться третьему, утлому судну, такому жалкому, что, кажется, поднимись только ветер покрепче, и он разнесет его вдребезги, а пассажиров отправит ко дну? Такой в действительности была бы их судьба, если бы поднялся шторм — но, к счастью, с момента крушения корабля царил полный штиль.

Но почему же они оказались отдельно от остальных членов экипажа: ведь оба, и мужчина, и юноша, тоже были членами команды «Пандоры»?

На это была своя причина, о которой мы вкратце сейчас и расскажем. Старшего пассажира маленького плота звали Бен Брас, из всей команды на судне он считался самым лучшим, самым отважным матросом. Никогда не нанялся бы он на такое судно, если бы не натерпелся множества обид на службе во флоте родной Англии. Они-то и довели его до этого безрассудного поступка, и он давно уже в нем раскаивался.

Юноша также стал жертвой собственного неразумного поведения. Он томился желанием повидать дальние страны, поэтому сбежал из дома, чтобы стать моряком. И, по несчастливой случайности и своему незнанию, чтобы осуществить столь желанное путешествие, выбрал именно «Пандору». На борту корабля он подвергся такому жестокому обращению, что быстро осознал свою глупость. С первой же минуты, как юный Уильям ступил на борт этого невольничьего корабля, жизнь стала для него сплошным мучением. И он, конечно, не выдержал бы такого существования, не найдись у него столь мужественного друга, как Бен Брас. Матрос вскоре взял его под свою особую защиту. Друзья чувствовали, что у них нет ничего общего со всей этой шайкой разбойников, — с ними их просто столкнула случайность. И они твердо решили при первой возможности расстаться с этой чудовищной компанией.

Крушение корабля помешало осуществить задуманное. Волей-неволей они очутились со всеми на большом плоту. Если бы Брас и юнга остались на том утлом сооружении, на котором они спаслись с горящего корабля, то потеряли бы и последний,

пусть ничтожный, но все-таки шанс на спасение. Поэтому они и пришвартовались к большому плоту, привязав к нему свой.

В этом обществе их путь продолжался в течение нескольких дней и ночей. Ночью, по воле изменчивых ветров, их носило на сдвоенных плотах из стороны в сторону, а днем, в штиль, они подолгу стояли на месте.

Что же заставило в конце концов Бена Браса вместе с его юным спутником покинуть большой плот? И каким образом они опять оказались на своем маленьком?

Причина проста и страшна, но мы не можем утаить ее от читателя, хотя дрожь берет при одной мысли об этом. Дело в том, что, если бы Бен Брас не спас своего юного друга, тот был бы съеден. Отважному матросу удалось предотвратить эту ужасную трагедию только благодаря хитро задуманному плану, и притом с риском для собственной жизни.

Скудные запасы провизии, которые этим чудовищам удалось захватить с горящего судна, быстро истощились. Они дошли до той степени голода, когда люди не гнушаются самой омерзительной пищей. Но им даже в голову не пришло прибегнуть к принятому в таких страшных случаях обычаю кинуть жребий. Они поступили проще, единодушно договорившись между собой умертвить парня и съесть его. Один только Бен воспротивился такому злодеянию.

Но этот голос не был услышан. Озверевшие матросы стояли на своем. Единственное, чего удалось добиться защитнику юнги, — это обещания отложить убийство до следующего утра.

Матрос знал, что делал, добиваясь этой отсрочки. Ночью поднялся ветер, и сдвоенные плоты тронулись в путь. А когда океан окутала тьма, Бен Брас перерезал канат, соединявший оба плота. Вот каким образом они оказались опять вдвоем и отделались от своих опасных спутников. Как только их отнесло на такое расстояние, что шум весел не мог быть услышан, они принялись грести, уходя все дальше и дальше.

Всю ночь напролет они продолжали грести против ветра. И только когда настало утро и над океаном опять повис штиль, они решили передохнуть, зная, что недавние спутники теперь их не видят, потому что они опередили большой плот на добрый десяток миль.

Их подкосила невероятная усталость. После такой утомительной гребли, да еще пережив до этого столько часов напряженной тревоги, юнга так изнемог, что, едва растянувшись на парусине, уже крепко спал. Но Бен, опасаясь погони, и не подумал ложиться. Он так и простоял все утро на вахте, прикрыв глаза от солнца ладонью и тревожно вглядываясь в сверкающую на солнце поверхность океана.

ГЛАВА 3 Молитва

Тщательно осмотрев океанскую гладь и обратив особое внимание на запад, Бен Брас обернулся наконец к Уильяму, за все утро так ни разу и не проснувшемуся.

— Бедный малыш, до чего он устал! — пробормотал, глядя на него, матрос. — Впрочем, чему удивиться, ведь какую неделю мы пережили! Подумать только, как близко он был от смерти! Немудрено и обессилеть! Но думаю, что он не избавился от этой беды. Как только мальчуган отдохнет, надо снова взяться за весла, а то как бы нас опять не отнесло назад к ним. Тогда конец нам обоим! Не только парня, они и меня сожрут за то, что я увез его. Провалиться мне на месте, если это не так!

Матрос помолчал минуту, прикидывая, пустятся ли за ними в погоню их недавние друзья по несчастью.

— Конечно, — забормотал он опять, — против ветра наш плот им не догнать. Только бы они не взялись за весла... Вот и ветер унялся — океан точно зеркало. Гребцов там много, да и весел достаточно, — чего доброго, они нас и в самом деле нагонят.

— Ох, Бен, милый Бен, спаси меня! Спаси от этих разбойников!

Юнга пробормотал это, так и не проснувшись

— Черт возьми, ему только это и снится! — сказал матрос, расслышав слова мальчишки. — Уже и во сне он видит, как к нему подбираются эти негодяи. Чудится, будто на него собираются наброситься, как той ночью. Лучше будет разбудить его... Пусть проснется, раз ему такие страхи снятся. Но будить очень жалко, хорошо бы ему еще немного поспать.